

Карен Давидович Арутюнянц
Я плюс все
Серия «Современная проза (Аквилегия-М)»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11306320
Я плюс все: Повесть / Арутюнянц К.Д.: Аквилегия М; Москва; 2014
ISBN 978-5-905730-62-7

Аннотация

В безмятежную жизнь двенадцатилетнего Гоши врывается первая любовь к однокласснице Ире. Взрослея, он начинает обращать внимание на житейские проблемы родителей, увлекается театром, обретает новых друзей. После предательства Иры по прошествии года, полного ярких событий, к Гоше приходит настоящая любовь. Повесть полна оптимизма и смешных ситуаций, гармонично вплетённых в историю, рассказанную от лица самого Гоши.

Для среднего школьного возраста.

Содержание

Часть первая	4
Я люблю играть в футбол	5
Сплошные новые люди	9
Какая там погода?	13
Алё, кто это?	16
Влюбился...	18
Ненова этот Баран!	21
Что ты сегодня делаешь?	24
Все спят	27
Мы выздоравливаем	29
Досрочно выпущенный	33
Понедельник – день тяжёлый	40
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Карен Арутюнянц Я плюс все

Часть первая Мяч

Я люблю играть в футбол

Кто же виноват?! Никто не виноват. Просто я люблю играть в футбол.

Не ПРОСТО люблю, а с ума схожу, если не погоняю мяч перед школой или после школы.

С ума схожу!

Я бы целый день гонял мяч, но школа и всё другое отнимают столько времени!

Ничего не поделаешь.

Даже во сне я в футбол играю. И так это у меня здорово получается!

Женька-Пузырь сказал мне однажды:

– Клёво ты в футбол играешь! Как псих.

Я играю в футбол до самого-самого, до потери сознания. Когда сердце в голове колотится и готово выпрыгнуть из ушей!..

Уже все разбегутся по домам или в школу, а я ношусь по пустырю и не отпускаю кого-нибудь одного, чтобы голы забивать, ну, пока не заорёт:

– Псих! Я – всё! Не могу больше! Я пошёл!

Только тогда и отпускаю. А потом сам мчусь в школу. Или домой иду, если это суббота или воскресенье. Усталый такой иду. Счастливый. Хорошо!

Приду домой, а там мама, папа, телевизор, ужин, яблоки. Книжки.

Я книжки люблю. Мне их папа из библиотеки приносит. С работы. Он работает в аэропорту. Инженером. Каждую неделю приносит – про животных, про приключения, про путешествия.

В основном я читаю книжки перед сном. И даже иногда ночью, под одеялом, с фонариком. Днём, конечно, тоже читаю. Когда не играю в футбол. И на уроках.

Сейчас вот сижу на уроке труда и читаю про мушкетёра д'Артаньяна.

Я свою железку уже отполировал как следует – напильником-драчуном. И сижу себе, читаю. Всё равно учитель курить ушёл.

Интересная книжка! Я такие люблю:

– *Убейте меня, если хотите! Я ничего не скажу!*

Д'Артаньян поднял её, охватив рукой её стан. Но, чувствуя, как тяжело она повисла на его руке, и понимая, что она близка к обмороку, он поспешил успокоить её, уверяя в своей преданности. Эти уверения ничего не значили для госпожи Бонасье: такие уверения можно расточать и с самыми дурными намерениями...

Это точно! Клясться можно в чём угодно. Но д'Артаньян никогда не обманет! Он честный. Это же д'Артаньян, а не какой-нибудь пройдоха кардинал!

Вот у меня приятель – Федя Федотов. Он врёт и не краснеет.

Он говорит сегодня на большой перемене:

– Ты мне друг?

Я говорю:

– А что?

Он говорит:

– Я такое знаю! Про Ирку Демьяненко!

Я говорю:

– Что знаешь?

Он говорит:

– Она на балконе загорает!

Я говорю:

– Ну и что? Я тоже загораю.

Он говорит:

– Да она ТАК загорает!

Я говорю:

– Как – так?

Он говорит:

– Без ничего! Голая!

Я говорю:

– А ты видел?

Он говорит:

– Видел, в бинокль! В полевой! В отцовский!

Я говорю:

– Врёшь!

Он говорит:

– Чтоб мне лопнуть!

Я говорю:

– Ну да! Лопнешь ты!

Он говорит:

– Значит, не веришь?

Я говорю:

– Не верю!

Он говорит:

– А я вру, да?

Я говорю:

– И не краснеешь!

Он говорит:

– Приходи завтра.

Я говорю:

– Зачем?

Он говорит:

– Сам увидишь.

Я говорю:

– Что?

Он говорит:

– Ты приходи, приходи...

И ушёл в буфет, посвистывая.

Я поискал глазами Иру Демьяненко.

Она стояла у окна и наблюдала за воронами.

Вороны дрались на ветке. Кричали.

Вдруг Ира обернулась и поймала мой взгляд. Видно, почувствовала, что я смотрю на неё. Улыбнулась.

У меня почему-то всё внутри съёжилось, но я тоже улыбнулся в ответ. Ужасно глупо улыбнулся. Мне показалось, не улыбнулся, а скорчил рожу.

Ира Демьяненко сказала:

– Какие смешные вороны! Они похожи на вас.

– На кого? – спросил я.

– На тебя, на Женьку, на Федотова. Когда вы играете в футбол.

Я уставился на ворон и подумал: «Ничего они не похожи на нас!»

Я хотел ответить Ире Демьяненко, но она куда-то подевалась, как футбольный мяч во сне, когда хочешь по нему ударить, а он внезапно исчезает, и ты бегаешь по полю совсем один, а мяча всё нет и нет.

Сплошные новые люди

После уроков мимо меня прошёл Баран и дал подзатыльник. Мне. За что?!

У меня потемнело в глазах. От негодования.

Я схватил Барана за рукав, кричу:

– Пусти меня! Пусти!

Сам не понимаю, что говорю. При чём тут: «Пусти!»

Баран старше меня года на три. Он учится в восьмом классе, хотя должен быть в девятом, потому что оставался когда-то там на второй год. Он здоровый, как лось, рыжий, с виду добродушный, но злой на весь мир и цепляется ко всем, кто младше или слабее. Я – младше.

– Вали! – отмахивается Баран. – Кому сказал!

Я не отпускаю его рукав. Что-то мычу.

Баран смотрит на меня бесцветными глазами и замахивается, чтобы ударить.

Я думаю: «Вот это кулак!..»

Кулак у Барана огромный и красный, в каких-то пятнах. Обидно получить таким отвратительным кулаком по собственной голове.

Я уже представляю, как у меня из носа кровь идёт...

– Отпусти, – неожиданно раздалось сзади.

Баран посмотрел на того, кто это сказал, а потом с ухмылкой произнёс:

– Так это не я его тяну... Ты чего, не слышал?

Последние слова Барана были обращены ко мне.

– Говорю, вали!..

Баран выдернул локоть из моих побелевших пальцев и сплюнул:

– Чего пристал?

А потом ушёл как ни в чём не бывало.

Я наконец-то взглянул на своего спасителя. Снизу вверх. Причём сильно вверх.

Спаситель оказался выше меня на две головы. Не меньше. Странно, раньше я его никогда не встречал.

Я сказал:

– Спасибо.

– Да не за что, – ответил спаситель. – Если что, зови. Я из десятого «а».

– Ладно... А как вас... тебя зовут?

– Гошей нас зовут. А вас?

– И меня, – обрадовался я.

– Чудесно! – ответил Гоша. – Ну пока! Привет бабушке!

Я засмеялся. Вот это парень! Сразу видно, настоящий! Таких – НАСТОЯЩИХ – в моей жизни не много. В книжках они есть. В каждой книжке обязательно наберётся человека два-три, а то и четыре.

Вон как в «Трёх мушкетёрах»...

– Д'Артаньян прав, – сказал Атос. – Пойдём умирать, куда нас посылают. Стоит ли жизнь того, чтобы так много спрашивать! Д'Артаньян, я готов идти за тобой.

– И я тоже! – сказал Портос.

– И я тоже! – сказал Арамис. – Кстати, я не прочь сейчас уехать из Парижа. Мне необходимо развлечься.

– Развлечений у вас хватит, господа, будьте спокойны, – заметил д'Артаньян.

– Прекрасно. Когда же мы отправляемся? – спросил Атос.

– Сейчас же, – ответил д'Артаньян. – Нельзя терять ни минуты...

...Вечер. Я бегу из школы домой. Прыгаю через лужи.

Скоро придёт настоящая осень: с нудными дождями, со слякотью. И нельзя будет играть в футбол. Я-то в футбол могу играть в любую погоду. Но остальные...

Да... Без футбола мне хана. Хана мне без любимого футбола.

Конечно, я и один могу бегать с мячом по раскисшему пустырю, но разве ж это футбол? Что я, монах, что ли?

Эх! Осень, осень!.. Жить бы в Африке! Там осени нет. Сплошное лето...

У самого дома я слышу крики, удары по мячу и даже... Кто-то свистит в настоящий судейский свисток!

Я обежал дом и увидел на пустыре пятерых незнакомых ребят старше меня. Класа из девятого-десятого.

Четверо били по мячу как угодно: и ногами, и головами, и не давая ему упасть на землю, а пятый при каждом ударе пронзительно свистел в свисток. Иногда вместо свиста раздавалось то ли бульканье, то ли шипение, и тогда остальные смеялись и кричали:

– Перестань! Прекрати! Замолчи!..

Мяч взлетал то высоко, а то не очень. Но это было здорово, что я мог смотреть на их игру целый вечер, всю ночь и даже следующее утро...

Надо же! Откуда они взялись? На нашем футбольном поле!..

Странный сегодня день, сплошные новые люди.

Я подошёл поближе, как вдруг мяч отскочил и полетел в мою сторону.

Я не растерялся. Я подставил ногу и с лёту отправил мяч назад.

– Ого! – воскликнул парень, упустивший мяч. – Здорово!

Я покраснел от удовольствия.

– Ты кто? – спросил у меня парень (он был в красной майке с надписью «Хоккей»), – Нападающий сборной?

– А вы? – спросил я.

– Мы – второй состав, – отвечает парень. – Не похожи?

– Похожи, – улыбнулся я. – А вы из каких домов?

– Из новых, за садами, – ответил парень в красной майке.

В это время в небе загрохотало.

Мы посмотрели вверх. Над нами расплзлась огромная серая туча.

– Сейчас польёт, – заметил парень со свистком.

– Ну что, по домам? – продолжая смотреть на тучу, сказал парень в красной майке.

– Побежали, побежали! – неожиданно завопил парень с редкими усиками под большим прыщавым носом.

– А вы приходите в субботу! – крикнул я. – Поиграем!

– С кем? – усмехнулся парень с усиками. – С тобой?

Он мне сразу не понравился.

– С нами! – крикнул я. – С нашим двором! Мы хорошо играем! Вы не думайте!

– Ладно, – засмеялся парень в красной майке. – Придём. Только без ворот не получится.

В небе загрохотало пуще прежнего.

– А давайте поставим ворота! – выкрикнул я. – Настоящие!

– Из чего? – снова завопил парень с редкими усиками и бросил испуганный взгляд на тучу.

– Из досок, – выпалил я.

– Из каких досок? – фыркнул парень с усиками.

– Ладно, – перебил его парень в красной майке. – Что-нибудь придумаем.

– Хорошо! – крикнул я.

Тут мне на нос упала большая холодная капля.

– Тебя как зовут? – спросил парень в красной майке. – Меня Васей.

– А меня Гошей.

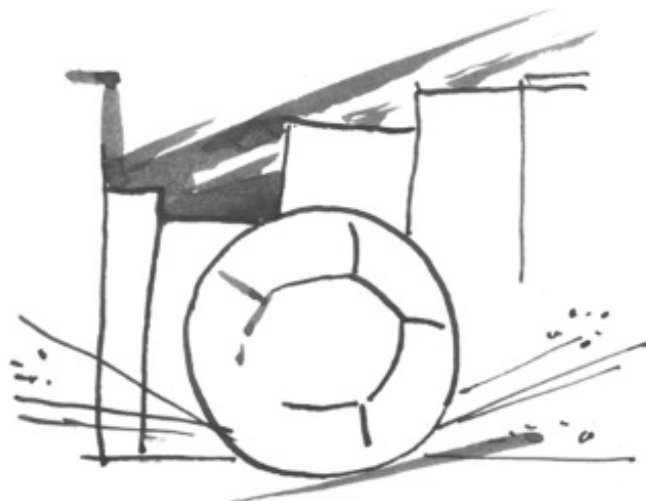
Мы потрясли друг другу руки.

– А меня Серёгой, – сказал парень со свистком.

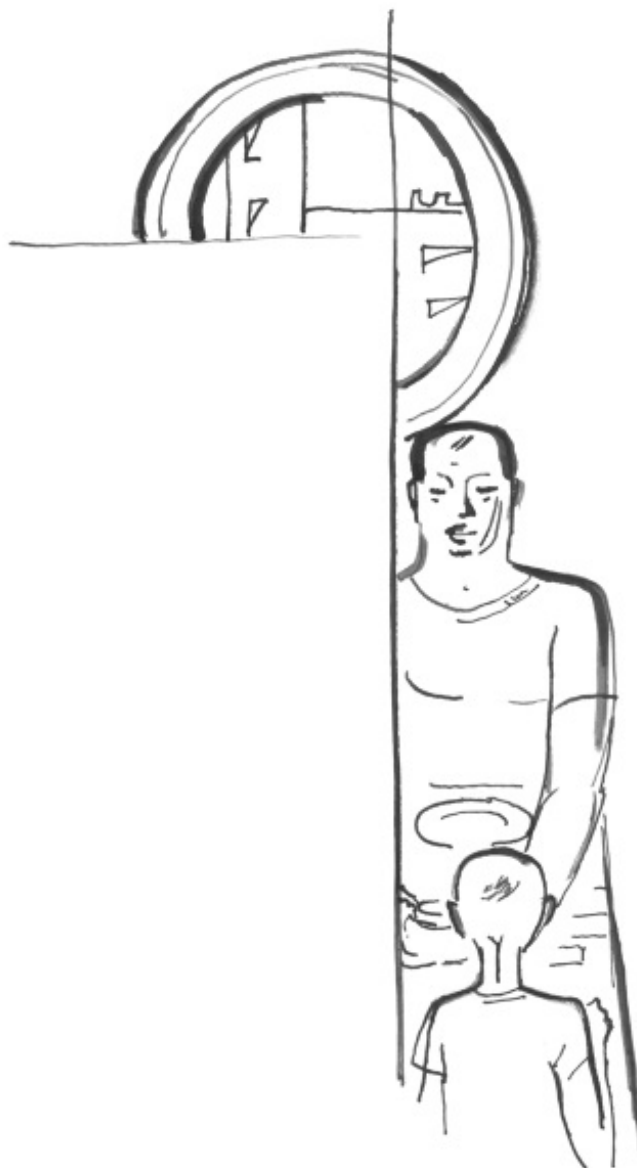
– Го... – повторил я.

Но я не успел договорить. С неба полило, как из тысячи вёдер.

Ребята что-то завопили и исчезли. А я помчался домой.

Какая там погода?

Утром я, как всегда, сделал себе гоголь-моголь. По собственному рецепту.

Надо взять яйцо, разбить его в чашку, выловить кусочки скорлупы, добавить три чайные ложки сахарного песка, перемешать так, чтобы яйцо стало почти белым, таким пенистым, а потом добавить столовую ложку мягкого сливочного масла и чайную ложку какао-порошка. И снова перемешать. И кушать с белым хлебом. А запивать сладким чаем с вишневым вареньем.

Вкусно!

Ешь себе и читаешь книжку.

...Дверь кабинета, где находился д'Артаньян, открылась, и в неё вбежала госпожа Бонасье.

– Вы! Наконец-то! – вскричал д'Артаньян.

– Молчите! – сказала молодая женщина, зажимая ему рот рукой. – Молчите и уходите той же дорогой, какой пришли.

– Но где и когда я увижу вас? – вскричал д'Артаньян.

– Вы узнаете это из записки, которую найдёте у себя дома. Идите же, идите!

С этими словами она открыла дверь в коридор и выпроводила д'Артаньяна из кабинета.

Д'Артаньян повиновался, как ребёнок, без сопротивления, без единого слова возражения, и это доказывало, что он действительно влюблён...

Зазвонил телефон.

Я облизал ложку. И решил угадать: кто бы это мог быть? А вдруг это она?

Я запрыгал на одной ноге в коридор. Там у нас телефон. Стоит на тумбочке. Я запрыгал, как кенгуру, не от радости вовсе, а потому что потерял под столом тапок.

– Алло! – заорал из трубки Федя Федотов. – А Гоша дома?!

Снова этот Федя Федотов со своими глупостями.

– Нет, – говорю я. – Гоша не дома.

– А! Это ты?! – говорит Федя Федотов. – Ты чего, дома ещё?! Ирка уже на балконе!

– Мальчик, – говорю я басом. – Ты ошибся. Это милиция. Не шали! Иначе мы приедем и оштрафуем твоих родителей на тысячу рублей!..

Сказал я так, сердито очень, и повесил трубку.

Не пойду я никуда. А позвонит ещё, в школе накостыляю!

Я посмотрел в окно. Там приближалась туча. Всё! Конец сезона! Финальный свисток...

Я взглянул на часы. Одиннадцать. Интересно, дядя Юра дома? Узнать бы у него, какая будет погода на этой неделе. Может, ещё получится мячик погонять?..

Дядя Юра, наш сосед со второго этажа, – лётчик. Он особенный лётчик. Лётчик-метеоролог. Дядя Юра летает на специальном самолёте-зондировщике высоко над землёй и собирает разные данные. Об атмосферном фронте, о природных явлениях, о скученности облаков, о ветре – куда дует или будет дуть, о влажности и о всяких других полезных вещах. А потом составляет сводку погоды. На ближайшее время и даже на месяц вперёд.

Я отыскал под столом тапок и решил пойти к дяде Юре.

– О! – обрадовался дядя Юра. – Здорово, что ты пришёл! Я тебя отличными шпротами угощу!

Дядя Юра всегда так говорит: «Здорово, что ты пришёл!» Я люблю к нему заходить.

Дядя Юра треплет меня по голове и говорит:

– Давай, финтифлюшки, на кухню!

«Финтифлюшки» – это такое весёлое слово. Дядя Юра его всегда вставляет.

На кухне у дяди Юры – как на корабле. Вместо окна огромный иллюминатор в пол-стены, а слева, почти до самого потолка, стоит многоярусный аквариум с золотыми рыбками.

– Ты чего не в школе? – спрашивает дядя Юра и пододвигает ко мне глубокую тарелку, до краёв наполненную копчёными хвостами.

– Это шпроты? – удивляюсь я.

– А то, финтифлюшки! Ешь, ешь! Бери прямо руками!

Я с аппетитом ем хвосты.

– Я в школе, – объясняю я. – Только во второй смене.

– А-а, ну-ну, – понимающе кивает дядя Юра. – Ну а как вообще? В принципе?

– Ничего, – говорю я. – А вы?

– Спасибо, – говорит дядя Юра. – Вот отдыхаю, рыбками люблюсь.

Дядя Юра кивает на золотых рыбок в аквариуме.

Я хихикаю. Смешно! Любуется рыбками и одновременно ест рыбы хвосты!

– Ты чего? – не понимает дядя Юра, но тоже улыбается.

– Да нет, – говорю я, – ничего. Анекдот вспомнил.

– Расскажи, – дядя Юра подхватывает один из копчёных хвостов и ловко забрасывает его в рот.

– Чебурашка, – рассказываю я, – бегают вокруг бочки и бормочет: «Ну когда же этот забор кончится?!»

Дядя Юра громко смеётся:

– Вот финтифлюшки! Молодец!.. Молодец!.. Ты ешь, ешь...

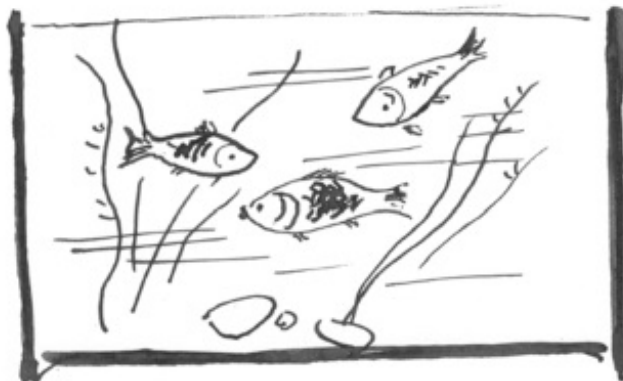
– Спасибо. Мне уже пора. Я пойду, – говорю я.

– Ты молодец, что зашёл, – говорит дядя Юра.

– Да, – говорю я.

И иду домой. К нам, на четвёртый этаж.

А про погоду я спрашивать не стал. Лучше ничего не знать, чем знать что-то печальное.

Алё, кто это?

До школы целый час. Чего бы поделать?
Я подошёл к телефону и набрал номер: 35-74-32. Раздались гудки.
А потом она спросила:
– Алё, кто это?
Я повесил трубку.
Снова позвонил.
– Алё, кто это? Не дышите!
Я опять повесил трубку. Струсил!
Я ещё раз набрал этот номер: 35-74-32. – Алё, кто это?
– Я, – говорю я хриплым голосом.
– Алё, кто это? Ничего не слышно, перезвоните.
Что она заладила: «Алё, кто это? Кто это? Алё!...»
Я бросил трубку, словно это не трубка, а какая-то мокрая кухонная тряпка.
На нервной почве я проголодался. Ужасно! Прямо до икоты.

Я открыл холодильник и схватил пакет молока. Молоко было холодное. Очень холодное. У меня горло заledenело. Ну и пусть! Голодный я!

Я заел молоко сухариком и почувствовал, как у меня забурчало в животе. Зря я, конечно, выпил молоко. После шпрот.

Я попрыгал, но мне сделалось ещё хуже.

Я лёг на диван. Полежал. Вроде бы полегчало.

Вдруг зазвонил телефон.

Я, кряхтя, побрёл в коридор и поднял трубку:

– Алё!

Молчат.

– Кто это? – спрашиваю я.

Тишина...

Да нет, кто-то сопит.

– Не сопите, – говорю я.

Повесили трубку – гудки.

Ерунда какая-то. Сначала я. Теперь они.

А может быть, это... она!

Я набрал номер: 35-74-32! Занято!..

Подождал. Телефон молчит.

Снова набрал. Занято!

Вернулся в комнату. Прилёг на диван. Бурчит в животе – всё громче и громче.

Мама! Я схватился за живот и побежал спасаться! Никогда не запивайте шпроты молоком!

Тут зазвонил телефон. Но я о нём уже и не думал...

Влюбился...

В школе Лёва Соколов спросил меня:

– Ты чего такой зелёный?

Я сказал:

– Влюбился...

– Да ну?! – поразился Лёва.

Наивный, поверил...

– От этого зеленеют? – спросил Лёва.

– Конечно... Я всегда зеленею...

– Да ну?!

Я сел за парту.

Начался урок.

– Так, – сказала Изольда Яковлевна. – Что нам было задано?

– Басня Ивана Андреевича Крылова «Лягушка и Вол». Наизусть, – напомнила Поро-
сёнок.

– Не вижу леса рук! – Изольда Яковлевна нахмурилась.

Половина класса пригнулась к партам. Остальная половина легкомысленно уставилась
в окна.

Я вообще не пошевелился. Я прислушивался к собственному животу. И зачем я пришёл
в школу?

– Гоша, – Изольда Яковлевна посмотрела на меня. – Какой-то ты сегодня торжествен-
ный!

Я испуганно уставился на учительницу. Только не меня! В таком состоянии я и двух
слов не свяжу...

– Ну что ты сидишь? – Изольда Яковлевна поманила меня пальцем. – Иди-ка сюда.

Словно под гипнозом, я вылез из-за парты и пошёл к доске. Эх, шпроты-шпроты, и поел-то я вас граммов сто! Эх, молоко!..

– Давно ты нам не читал басен! – сказала Изольда Яковлевна.

– Да? – спросил я.

– Да! – кивнула Изольда Яковлевна. – Сегодня твоя очередь! Мы с нетерпением ждём!.. Я наярив все головные извилины и произнёс:

– Басня И.А. Крылова... «Лягушка и бык»...

– Вол! – поправила Изольда Яковлевна.

– «Лягушка и Вол»... Ой! – вскрикнул я.

Класс засмеялся.

– Что такое? – спросила Изольда Яковлевна.

– Что? – сказал я.

– Учил? – спросила Изольда Яковлевна.

– Да... Ой! – я незаметно схватился за живот.

– Не учил... – вздохнула Изольда Яковлевна.

Я тоже вздохнул.

И тут я услышал третий вздох. Вздох Иры Демьяненко.

Она смотрела на меня. Такая красивая!..

– Лягушка, на лугу увидевши Вола, затеяла сама в дородстве с ним сравняться, – услышал я собственный голос. – Она завистлива была. И ну топорщиться, пыхтеть и надуваться...

«Сейчас надуюсь и взорвусь! – подумал я. Как лягушка!..»

Но ничего не происходит. Наоборот, живот успокоился, а я и не заметил, как прочитал всю басню. Без единой запинки!

Мораль басни я продекламировал с большим воодушевлением:

– Пример такой на свете не один: и диво ли, когда жить хочет мещанин, как именитый гражданин, а сошка мелкая, как знатный дворянин!

Фу-у!.. Надо же! Вот это да!

– Пять с тремя плюсами!!! – просияла Изольда Яковлевна.

Я с благодарностью взглянул на Иру Демьяненко. И вдруг я только сейчас увидел, какая у неё необыкновенная коса! Толстая и блестящая, как звёздная ночь!

Ненова этот Баран!

И снова этот Баран!

Стоит у перил, по дороге в школьный буфет, ухмыляется.

Жуёт спичку.

Я иду мимо. Я улыбаюсь. Вроде бы даже не замечаю его.

– Ап-чхи! – чихает Баран.

Прямо в лицо. Мне! Снова за своё?!

Спичка маленькой стрелой описывает дугу и задевает моё правое ухо.

Пугает, что ли?

Я останавливаюсь, смотрю на Барана и думаю: «Да нет, не пугает... Какой-то странный он сегодня, распухший. На себя не похож...»

– Чего надо? – спрашивает Баран.

При этом он гундосит, и я понимаю, что Баран не совсем здоров. Глаза красные, лицо зелёное, ноздри влажные.

– Ну? Чего уставился? Ва-ва-ли! Ап-чхи!.. – Баран неловко утирает нос своим здоровенным кулаком.

И неожиданно плаксивым голосом добавляет:

– Заразу подцепил... Горло дерёт!..

Вот это да! Неужели хочет, чтобы пожалели?

– Иди, – говорю, – домой. Ты же больной.

Баран таращится на меня:

– Чего?!!

Что-то я ничего не понимаю в этой жизни. То овечку из себя строит, а то тигром рычит.

Я вздыхаю. Наверное, ни к чему с таким вот Бараном связываться. Ну его!..

Я иду дальше. В буфет.

– Вали, вали! Кому сказал?! – несётся вслед Бараний хрип, а потом – громкое троекратное: «Ап-чхи! Ап-чхи! Ап-чхи!..»

В буфете толкотня. Все берут пирожки с яблочным повидлом.

У тёти Дуси, буфетчицы, отличные пирожки! Я могу съесть сразу пять пирожков. Или шесть. Если голодный, конечно.

В буфете собралось полшколы! Даже учителя выстроились в очередь. Я же говорю, чудесные пирожки у тёти Дуси!

Тётя Дуся печёт свои знаменитые пирожки дома. Вместе с двумя сёстрами-пенсионерками. Раз в неделю. А потом продаёт их в нашем буфете.

Все только рады. А больше всех – директор школы, потому что он сам обожает тёти-Дусины пирожки. И жить без них не может.

Даже Лазарь-Пончик, которому его мамочка приносит каждый день в школу по двадцать пончиков (представляете?!) и следит за тем, чтобы сыночек съел их все до единого, даже Лазарь-Пончик топчется и пыхтит позади меня, и кричит:

– И мне! И мне! Десять пирожков! И мне!

Вот какие вкусные пирожки! С яблочным повидлом!

Я получаю свои шесть пирожков и отхожу в сторонку, облизываясь.

– Ой, – слышу я любимый голос. – А мне пирожков не досталось!..

Ира Демьяненко говорит очень тихо и смотрит не на меня, а на тётю Дусю, которая разводит руками:

– Всё, милые! До следующей пятницы!

Ира Демьяненко не видит меня, и мне становится неловко. Как же я забыл? Мог бы и ей пирожки взять.

– Угощайся, – говорю я Ире.

Ира стоит ко мне вполоборота, и я замечаю, как у неё пульсирует на шее жилка. Такая маленькая, беззащитная жилка.

– Что? – спрашивает Ира, наконец-то повернувшись ко мне.

Мы смотрим на мои пирожки. Они румяные, с капельками яблочного повидла по бокам.

– У меня шесть пирожков, – говорю я, не отрывая от пирожков взгляда.

– Шесть, – повторяет Ира.

Она дотрагивается до одного из пирожков и произносит шёпотом:

– Горячий.

Вокруг нас шумят, чавкают, цыкают зубами, а мы слышим друг друга, хоть и говорим почему-то тихо-тихо. Сами не знаем почему.

– Ешь, – шепчу я, – пока не остыли.

– И ты ешь, – шепчет Ира и поднимает на меня глаза.

А я – нет. Я продолжаю смотреть на пирожки. У меня текут слюнки.

– У тебя слюнка течёт, – хихикает Ира.

Я краснею. Меня бросает в жар.

– Ну что ты... – улыбается Ира. – Ешь.

Я киваю. Я тоже улыбаюсь.

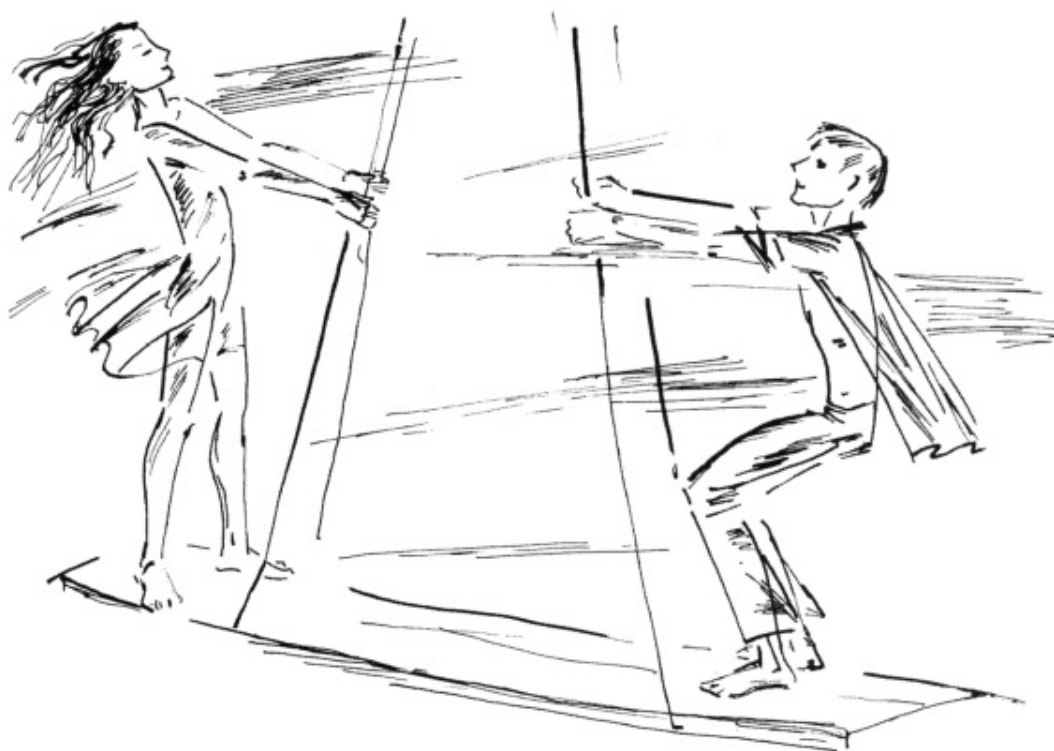
Потом мы смеёмся вместе, я уже и не помню, над чем.

Потом мы вдруг замечаем, что идём по школьному коридору и жуём наши пирожки. А они всё не заканчиваются. Словно у меня было не шесть пирожков, а шестьдесят шесть.

Шестьдесят шесть тёти-Дусиных пирожков.

Что ты сегодня делаешь?

- Что ты сегодня делаешь? – спросила у меня Ира, когда мы вышли из школы.
- Когда? – спросил я.
- Сейчас и потом? – сказала Ира.
- Сейчас? – переспросил я.
- Да! – сказала Ира. – А пошли покачаемся на качелях!
- Где? – спросил я. – На площадке?
- Нет, у моей бабушки, – сказала Ира. – У моей старенькой бабушки в саду! Там чудесные качели!
- У тебя есть бабушка? – удивился я.

Почему-то мне показалось, что у Иры не может быть никакой бабушки, тем более старенькой.

– Есть! – рассмеялась Ира. – У меня очень хорошая бабушка. Она выращивает цветы и сдаёт их в цветочный магазин.

– Здорово! – сказал я. – Конечно!

– Что «конечно»? – не поняла Ира.

– Пошли! – сказал я. – Пошли к твоей бабушке! Я сто лет не качался на качелях!

Бабушки дома не было, и мы сразу побежали в сад.

Я никогда не видел такого сада. Вот это был сад! Из одних только роз!

Белые, розовые, красные, жёлтые, пурпурные розы издавали такой аромат, что у нас закружились головы!

– Ты нюхай, нюхай! – говорила Ира. – Когда я нюхаю бабушкины цветы, мне хочется летать!

Мы взлетали на качелях, всё выше и выше.

Качели были широкие. На таких качелях смогло бы уместиться по две Иры и по два Гоши. Но нам было и так хорошо.

Мы взлетали, взлетали к маленьким белым облакам, которые плыли по синему прохладному сентябрьскому небу.

Мы взлетали...

– Кто тут? – слышали мы. – Кто тут? Кто тут?

– Это мы, бабушка! – закричала Ира, не переставая взлетать к маленьким облачкам.

Какой забавный голос у Ириной бабушки. Как у доброй вороны: хрипловатый и тёплый.

– Ирочка! – обрадовалась бабушка. – А кто второй?

– Это Гоша, бабушка! – закричала Ира. – Гоша!

– Гоша! – обрадовалась бабушка. – Это хорошо! Вместе чайку попьем! Я пирожков напекла! С яблоками!

Как мы захохотали!

Какое счастье! В нашем городе все старушки пекут пирожки с яблочной начинкой!

Вот это жизнь!

– Я люблю пи-рож-ки! – закричала Ира.

– Я люблю пи-рож-ки! – закричал я.

– Я люблю пи-рож-ки! – закричали мы.

А я подумал: «Я люблю...»

И Ира, наверное, тоже...

...После вкусного чая с необыкновенными пирожками, после смешных историй, рассказанных весёлой Ириной бабушкой, когда стемнело, я наконец-то вспомнил и позвонил домой. И долго объяснял маме, что я не попал под машину, и со мной всё в порядке, и где я, и что скоро приду, а уроки сделаю сегодня как миленький и не отложу на завтра.

Ира сказала мне:

– А пошли снова в сад.

И мы пошли в розовый сад.

Мы вдыхали аромат цветов и слушали, как шелестят листья. Как трава шуршит под ногами.

Мы сидели на качелях. Но не раскачивались, а просто сидели. Рядом.

Рядом.

А потом Ира посмотрела на меня.

Наши глаза встретились, и я поцеловал Иру. В уголок рта. И почувствовал носом её гладкую щёку.

– Вот, – сказала Ира...

Она сидела с закрытыми глазами.

А я мчался по улице и задевал прохожих рюкзаком, который не надел, а держал в руке.

Все спят

– Мама, – сиплю я. – Дай попить...

Мама взяла бюллетень.

У меня ангина. «Острое инфекционное заболевание – воспаление нёбных миндалин, слизистой оболочки зева». Так написано в словаре.

Это меня Баран заразил.

А я – бедную Иру.

Только у неё, слава Богу, температура поменьше. У меня – тридцать девять и пять... Я умираю...

У мамы большие испуганные глаза. Мне её жалко. Вот умру я, и кто у неё останется? Только папа... И телевизор...

– Гошенька, – говорит мама. – Ты полежи, а я пойду в аптеку.

– Иди, – шепчу я.

Или мне только кажется, что я шепчу...

Иногда я сплю или не сплю, или думаю, что сплю, и тогда Д'Артаньян внимательно глядит мне в лицо и сочувственно шевелит усами.

«Как он ими шевелит? – удивляюсь я. – Они же наклеенные?.. Я бы не смог так... шевелить наклеенными усами... А где же Атос, Портос, Арахис?.. А-а-а... Они спасают госпожу Монпансье... Молодцы... Они спасут её, конечно, спасут...»

– Вот это, финтифлюшки!.. – доносится до меня голос.

Очень знакомый голос. Только я никак не могу понять, чей же это голос. И, пока я вспоминаю, голос говорит, наверное, маме, кому же ещё:

– Я её сам собирал... У матери в деревне... Полезная ягода... На стакан воды три ложки варенья...

А тем временем Д'Артаньян укрывает меня своим грубым плащом, но мне почему-то совсем не жарко, а холодно, ах, как холодно!.. Видно, уже наступила зима и папа забыл законопатить окна.

А-а... Папа... Где ты был? Как долго я тебя не видел... Где ты был? Как долго я тебя не слышал...

– Спи, спи, – говорит папа. – Спи...

Зачем ты меня спрашиваешь, папа, я и без того сплю и сплю...

И Ира спит.

И все спят.

И даже Баран.

Мы выздоравливаем

Всё! Я выздоравливаю! Правда, ещё неделю у меня постельный режим. Но это даже здорово!

Можно валяться и целый день ничего не делать. Только читать и болтать с Ирой по телефону.

А уроки я потом нагоню! Что за проблемы?!

Звонок. Я хватаю телефонную трубку.

Мы уже целых три дня играем с Ирой в Даму и Кавалера.

– Привет, – говорит Дама. – Доброе утро! – Привет, – отвечает Кавалер. – Доброе утро!

– Какая у вас погода? – спрашивает Дама.

– У нас, – отвечает Кавалер, – отличная погода! Дует северо-западный ветер!

– А у нас, – говорит Дама, – дует юго-восточный! Представляете?! И льёт как из ведра!

– А у нас, – говорит Кавалер, – льёт, как из бочки!

- А что вы ели сегодня на завтрак? – спрашивает Дама.
- Мы? – переспрашивает Кавалер. – А вы угадajte!
- Вы ели... поросёнка, фаршированного гоголем-моголем? – отгадывает Дама. – И запивали ромом из тёплого молока?
- Правильно! – радуется Кавалер. – А вы? Что ели вы?
- На первое, – произносит Дама, – мы ели неизвестное блюдо из манной крупы! На второе – ватную булочку, а на третье... Вы не поверите!
- Что же?! – восклицает Кавалер. – Не томите меня!
- На третье... – продолжает Дама. – Вы готовы? Вам не станет дурно от зависти?
- Ну же! Ну! – Кавалер нетерпеливо стучит кулаком по телефону, едва сдерживая смех. Дело в том, что проигравшим считается тот, кто засмеётся первым.
- Итак, – торжественно произносит Дама. – Слушайте! На третье мне была подана молочная ириска, растворённая в тёплом лимонаде!
- Я хохочу. Я проиграл!
- Двенадцать – три в мою пользу! – довольно говорит Ира.
- Это нечестно! – протестую я.
- Что нечестно? – хихикает Ира.
- Всё нечестно! – я пытаюсь обидеться, но у меня не получается.
- Мне весело. Мне ужасно нравится такая жизнь.
- А давай, – предлагает Ира, – позвоним! Знаешь кому?
- Кому? – спрашиваю я.
- Никогда не угадаешь! – говорит Ира.
- Поросёнку? – спрашиваю я.
- Не называй её так, – говорит Ира. – У неё же есть имя. А если бы я была толстой?
- Но ты же не толстая! – радуюсь я.
- А вдруг стану? – говорит Ира.
- Вдруг не считается, – говорю я.
- Ну а если? – настаивает Ира.
- Тогда бы... – говорю я. – Я и тебя называл Поросёнком.
- Что?! – возмущается Ира.
- Что? – спрашиваю я.
- Что ты сказал?! – бушует Ира.
- Я сказал: «Лёве Соколову?» – говорю я.
- Что – Лёве Соколову?! – сердится Ира.
- Ты же сама сказала: «Давай позвоним знаешь кому?» – говорю я.
- Не путай меня! – говорит Ира.
- Я не путаю! Я отгадываю! – говорю я.
- Ну и отгадывай! – говорит Ира.
- Вот я и отгадываю. Лёве Соколову? – спрашиваю я.
- При чём тут Лёва Соколов? – удивляется Ира. – Я предлагала позвонить знаешь кому?
- Кому? – спрашиваю я.
- Баранову! – говорит Ира.
- Барану?! – изумляюсь я. – Зачем?
- Мне его жалко... – говорит Ира.
- Барана?! – ещё больше поражаюсь я.
- Да... – задумчиво произносит Ира. – Представляешь? Лежит он со своей ангиной, несчастный... И никто его не любит... Никому он не нужен... Никто ему не звонит...
- А ты что, знаешь его телефон? – спрашиваю я.
- Да, – говорит Ира. – Конечно. Он же брат Гали Барановой.

– Брат Гали Барановой?! Надо же! – я продолжаю удивляться. – Никогда бы не подумал, что у Барана такая сестра.

– Какая?

– Она мне книжки давала почитать.

– Позвоним? – спрашивает Ира.

– Я даже не знаю, – говорю я. – А что мы ему скажем?

– Просто поболтаем, – Ира наклоняет голову набок.

Я прямо вижу, как она это делает.

– Ты голову наклонила? – спрашиваю я.

– Да, – отвечает Ира. – А что?

– Просто, – говорю я. – Интересно. А у тебя коса заплетена?

– Заплетена, – отвечает Ира. – А что?

– Да так, – говорю я. – А ты сколько подушек под себя подложила? Две?

– Две, – отвечает Ира. – Ну что? Позвоним Боре?

– Кому? – переспрашиваю я.

– Баранову, – отвечает Ира. – У него имя такое – Боря.

Я лежу и никак не могу понять – она что, шутит? Неужели она и вправду хочет позвонить Барану? Да о чём с ним говорить?

– Алё? – слышу я Ирин голос. – Ты где?

– Я тут, – отвечаю я.

– Ну что? – спрашивает Ира.

– А кто будет звонить? – спрашиваю я.

– Давай скинемся, – предлагает Ира.

– Давай, – соглашаюсь я.

– На счёт три!.. – говорит Ира.

– Ладно, – говорю я.

– Камане, маргане, це-зи-кок! – выкрикивает Ира.

Я выкидываю вперёд кулак, то есть «камень».

– Что у тебя? – спрашивает Ира.

– А у тебя? – переспрашиваю я.

– Я первая спросила, – говорит Ира.

– У меня... «камень», – говорю я.

– А у меня – «бумага»! – говорит Ира. – Я выиграла! Тебе звонить.

– Точно – «бумага»? – не верю я.

– Точно-точно! – говорит Ира.

– Я звоню, значит? – уточняю я.

– Ты-ты! – Ира нетерпеливо постукивает ногтем по трубке.

– Не стучи по трубке, – прошу я. – У меня ухо болит.

– Ты будешь звонить или не будешь? – спрашивает Ира.

– Барану? – спрашиваю я.

– Боре, – отвечает Ира.

– Ладно... – говорю я. – А когда?

– Сейчас, – говорит Ира.

– Ладно... – повторяю я. – А какой у него телефон?

– Очень лёгкий: 2, 3, 4, 5, 6, 7! – отвечает Ира. – Позвонишь?

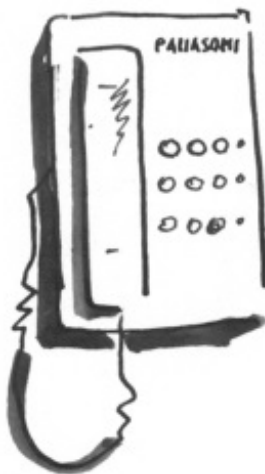
– Ладно... – соглашаюсь я.

– Ты потом перезвони, – просит Ира.

– Ладно... – говорю я.

Я вешаю трубку и смотрю в окно.

Северо-западно-юго-восточный ветер упрямо бьётся в стекло, и, наверное, не только в наше...

Досрочно выпущенный

Я начал набирать цифры: 2... 3...

Палец сорвался.

Я снова принялся крутить диск: 2... 3... 4...

Вдруг замок входной двери щёлкнул и в коридоре появился папа.

Папа вернулся с работы!

– Папа?! – закричал я. – Это ты?!

– Да! Я! – крикнул папа. – Сейчас и мама придёт! Она с тётей Верой разговаривает!

Тётя Вера – мама Женьки-Пузыря – лю бит кого-нибудь подловить в подъезде и по болтать. Значит, мама не скоро появится.

– А почему вы так рано пришли? – раду юсь я.

– Сегодня короткий день! – кричит папа из ванной. – Завтра же праздник!

– Какой праздник? – кричу я.

– Восьмое марта!

Папа появляется с полотенцем в руках:

– Международный день всех девочек!

- Ой, – пугаюсь я. – А что я подарю маме?
- Папа говорит:
- Ну ты даёшь!
- Я говорю:
- Что же делать?
- Папа смеётся:
- Вот это да! Какое Восьмое марта в конце сентября?!
- Папа!!! – возмущаюсь я.
- Один – ноль, – веселится папа.

- Мне хочется повозмущаться ещё, но тут раздаётся телефонный звонок.
- Ну как? – спрашивает Ира. – Поговорили?
 - Да нет ещё, – отвечаю я. – Папа с работы вернулся.
 - А-а, – медленно произносит Ира. – Жаль... Ну ладно... А ты потом позвонишь?
 - Конечно! – говорю я. – Обязательно позвоню!
 - Ну ладно... – говорит Ира. – А хочешь, не звони.
 - Да, – быстро отвечаю я. – Конечно! Не надо звонить! Это самое правильное!
 - Почему? – спрашивает Ира.
 - Потому что... – отвечаю я. – Не знаю... Мы ведь даже и не враги с Бараном.
 - А разве у тебя есть враги?! – удивляется Ира.
 - Я не знаю, – я пожимаю плечами. – Вроде бы нет...
- «Наверное, нет у меня врагов... Баран не враг... – думаю я. – А разве это плохо?»
- Но я больше ничего не говорю Ире. Пришла мама, и мы попрощались до вечера...

Мама принесла кучу всего: моё любимое «Юбилейное» печенье, тридцатитрёхпроцентные сливки, которые можно взбить и кушать с персиковым джемом, кукурузные хлопья, плавленый сырок «Дружба»!

– Гошенька, как ты? – спросила мама и поцеловала меня в лоб.

– Нормально, – я прижался к тёплой маме и искоса поглядел в окно.

Там бушевала осень.

– Будешь печёную картошку? – спросила мама.

– С чесночной подливкой! – сказал я.

– Нет-нет, с подливкой пока нельзя! – запротестовала мама.

– Ну мам! – я чмокнул маму в нос. – У меня уже всё прошло!

– Покажи горло! – приказала мама.

– А-а-а! – я продемонстрировал маме свои опавшие гланды.

– Так и быть, – вздохнула мама. – С чесночной подливкой. Только ложечку! Не больше.

Да?

Мама отправилась на кухню.

И папа за ней – помогать чистить картошку.

– Этот вернулся, – сказал папа маме. – Баранов. Выпустили досрочно.

– Ой, – мама перебила папу. – Я же забыла сказать! Бурнашова распространяла билеты в цирк! Я взяла четыре!

Они говорили громко, поэтому я слышал всё. Даже за звуками льющейся из крана воды.

– Четыре? – рассеянно переспросил папа. – Почему четыре?

– Нам троим и той девочке – Ире! – объяснила мама.

«Ире?! – смутился я. – Зачем Ире?!»

– Понятно... – сказал папа и добавил что-то странное: – Всё, хватит! Я за себя не ручаюсь! Мне надоело строить из себя мягкотелого интеллигента!

«Мягкотелого интеллигента?! – удивился я. – Да у него такие мускулы! Он любого уложит!»

– Ну что ты такое говоришь? – ласково сказала мама. – Зачем? Выбрось из головы... Мы тебя любим... Мы тебя так любим! Забудь... Не надо!

– Что не надо?! – рассердился папа.

– ВСЁ ЭТО НЕ НАДО! – по слогам произнесла мама.

О чём они говорят?! Кто такой Баранов?! Ещё один Баранов! Сплошные Барановы: Баран, которого, как выяснилось, зовут Борей, его сестра, моя одноклассница Галя Баранова, и... досрочно выпущенный Баранов. Кто это? Откуда его досрочно выпустили?

Моя рука непроизвольно тянется к телефонной трубке.

2, 3, 4, 5, 6, 7.

Раздаются длинные гудки, потом хриплый голос:

– Алло-о? Кто-о?!

– Здравствуйте, Борю можно? – говорю я.

– Ну-у, – мычит Баран. – Кто-о?

– Это Гоша, – говорю я.

– Чего-о? Какой Гоша? – соображает Баран.

– Из шестого «А», – говорю я.

На том конце провода молчание.

– Алё, – говорю я.

– Чего-о? – отзывается Баран. – Ты чего-о?

– Вот, – говорю я, – решил позвонить.

– Ну, – говорит Баран. – Позвонил?

– Да, – говорю я.

– Ты, пацан, – раздражается Баран. – Чего тебе надо?

– Ничего, – говорю я. – Просто звоню, хочу пожелать крепкого здоровья.

На том конце провода снова молчание.

– Алё, – говорю я.

– Ты чего-о? – злится Баран. – Ты чего, меня бесишь, да?!

– Нет-нет, – волнуюсь я. – Боря, ты меня не так понял!

– Чего я тебя не так понял?! – хрипит Баран.

– Я, наверное, не так выразился, – торопливо произношу я.

– Чего ты там бормочешь, э?! – спрашивает Баран громко, но, правда, уже не так зло.

– Я подумал, – объясняю я, – может, нам лучше спокойно поговорить. Ну не в школе, так хотя бы по телефону.

– А чего говорить? – спрашивает Баран. – Я тебе что, телевизор, что ли?

Баран хрипло хохочет.

Мне, в общем-то, тоже становится смешно. И даже весело.

– Слушай, как тебя там? – говорит Баран.

– Гоша, – отвечаю я.

– Ты анекдоты знаешь? – спрашивает Баран.

– Знаю, – отвечаю я.

– Ну давай, рассказывай, – требует Баран.

– Прямо сейчас? – спрашиваю я.

– Ну! – говорит Баран.

– Чебурашка... – начинаю я свой любимый анекдот.

– Это про велосипед, что ли? – перебивает Баран.

– Нет, – говорю я, – это про забор.
– А-а... Ну-ну, давай, валяй дальше! – говорит Баран.
– Чебурашка, – продолжаю я, – бегают вокруг бочки и бормочет: «Ну когда же этот забор кончится?!»
Баран, словно медведь, дышит в трубку. Сопит.
Я говорю:
– Всё.
Баран говорит:
– Чего?
Я говорю:
– Всё. Такой вот анекдот.
Баран говорит:
– Который?
Я говорю:
– Про Чебурашку.
Баран говорит:
– Повтори!
Я повторяю анекдот:
– Чебурашка бегают вокруг бочки и бормочет: «Ну когда же этот забор кончится?!»
После недолгого молчания Баран спрашивает:
– Ну? Чего ты там затих? Э, Гошан?
Я говорю:
– Я не затих.
Баран говорит:
– Слушай... Объясни!
Я говорю:
– Что?
Баран говорит:
– Ну, это... Анекдот...
Я говорю:
– А-а... Значит, Чебурашка бегают вокруг бочки... Это понятно?
Баран говорит:
– Ну чего я, совсем, что ли, баран?
Я говорю:
– Чебурашке кажется, что он бежит вдоль забора!
Баран говорит:
– Почему?
Я говорю:
– Потому что бочка сделана из таких деревяшек, которые похожи на забор.
Баран говорит:
– Ну?
Я говорю:
– Вот он и бормочет: «Когда же этот забор кончится?!» А он бегают вокруг бочки! Понимаешь?
Тут Баран начинает хохотать. Он хохочет так долго, что у меня закладывает ухо.
– Смешно? – спрашиваю я.
– Иди ты! – хрипит Баран, с трудом успокаиваясь. – Ну ты молоток!
Я терпеливо жду, когда он перестанет стонать и сипеть.
– Этот Чебурашка чего – того?! – хохочет Баран.

- Нет, – говорю я, – просто он маленький неопознанный зверёк.
- Ну вообще! – голос у Барана такой счастливый, словно ему рассказали не анекдот, а даже не знаю что.
- Я такого счастливого голоса, наверное, никогда не слышал.
- Слушай, – спрашивает Баран, – а чего ты мне позвонил? Ты чего, тоже больной?
- Да, – отвечаю я, – ангиной.
- Да ты чего?! – поражается Баран. – И я тоже. Только я уже всё!
- Что? – спрашиваю я.
- Ну – всё! – объясняет Баран. – Всё, значит!
- Выздоровел? – подсказываю я.
- Да, – говорит Баран. – В понедельник в эту... В школу уже... Слушай, Гошан, а откуда ты мой телефон знаешь?
- Я же с твоей сестрой Галей Барановой учусь в одном классе, – отвечаю я.
- Да ты чего?! – хрипит Баран. – Ты чего молчал?!
- Не знаю, – отвечаю я.
- И вдруг, неожиданно для самого себя, спрашиваю, даже не подумав, что я говорю:
- Боря, а ты не знаешь, что такое: «досрочно выпустили»?
- Чего-о?! – говорит Баран. – А чего я должен знать?!
- Ну вот когда говорят, – бездумно продолжаю я, – что человека «выпустили досрочно», что это значит?
- Ты чего? – хрипит Баран. – Ты меня бесишь, да? Э-э, пацан?!
- Извини, Боря! Я, наверное, опять сказал что-то не то. Ты не нервничай! – говорю я как можно спокойнее.
- Ты чего? Да чего я нервничаю? – говорит Баран. – Ты просто это... Ты давай, анекдоты лучше травь!
- За окном ночь. А может, и вечер.
- А может, просто очень тёмный день.
- Я рассказываю анекдоты моему новому приятелю. Подробно их объясняю. И жду, когда Баран нахохочется.
- Но вот появляются мама и папа. С запечённой на противне картошкой, с молоком в кувшинчике, с мягким ароматным батоном, с вилками, с тарелками, с чашками.
- Сейчас мы будем пировать!
- Ладно, Боря, – говорю я. – До свидания. Меня зовут.
- Звони, Гошан! – хрипит Боря Баранов.
- Да, конечно...
- Картошка пахнет так волшебной!
- Мама и папа приготовили чудесный ужин.

Понедельник – день тяжёлый

Сегодня прекрасный день. Бабье лето! Солнце светит, небо синее.

Только сегодня понедельник, а значит, тяжёлый день.

И это так. Я уже выздоровел, а должен сидеть дома. До четверга! Где справедливость?
Нет справедливости!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.